

В ДОПОЛНЕНИЕ К ОПУБЛИКОВАННОМУ

УДК 82.091

«КАКОЕ-НИБУДЬ НЕВОЗМОЖНОЕ QUI PRO QUO»: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И З. Н. ГИППИУС (РАССКАЗ «ИВАН ИВАНОВИЧ И ЧЁРТ»)

Я. Я. Джамалова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
Поступила в редакцию 10.12.2023 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225- 5346-2024-4-16

Представлен анализ функционирования принципа *qui pro quo* в рассказе З. Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт». Восходящий к комедийному приему, в основе которого лежит недоразумение, путаница, принцип *qui pro quo* осмыслен Р. Я. Клейман как один из ключевых в поэтике произведений Ф. М. Достоевского, в особенности – романа «Братья Карамазовы». Связь рассказа «Иван Иванович и чёрт» с романом Достоевского неоднократно отмечалась исследователями, однако вопрос о присутствии в тексте Гиппиус еще одной формы связи с романом Достоевского – принципа *qui pro quo* – к настоящему времени еще не изучен. В ходе анализа установлено, что принцип реализуется в рамках образной пары, составляемой главными героями, и связан с мотивом искушения. Наличие принципа *qui pro quo* в рассказе приводит к реализации мотива искушения в инверсированном виде. Доказано, что одна из главных особенностей образной системы текста З. Н. Гиппиус – противоречивость образов главных героев – обусловлена присутствием принципа *qui pro quo*. Принцип *qui pro quo*, константный для произведений Достоевского и «считанный» З. Н. Гиппиус, становится еще одной линией, образующей связь между классической русской литературой XIX века и литературой русского модернизма.

Ключевые слова: принцип *qui pro quo*, Ф. М. Достоевский, З. Н. Гиппиус, роман «Братья Карамазовы», русская классическая литература, литература русского модернизма

1

– Я не совсем понимаю, Иван, что это такое? – улыбнулся все время молча слушавший Алеша, – прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?

– Прими хоть последнее, – рассмеялся Иван, – если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического – хочешь *qui pro quo*, то пусть так и будет. Оно правда, – рассмеялся он опять, – старику девяносто лет, и он давно мог сойти с ума на своей идее. Пленник же мог поразить его своею наружностью. Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика пред смертью, да



еще разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожженных еретиков. Но не все ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? (Достоевский, 1976, с. 228).

Приведенный выше фрагмент главы «Великий инквизитор» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» является отправной точкой для ряда исследований, изучающих функционирование принципа *qui pro quo* в поэтике романа и — шире — всех произведений Достоевского.

Фразеологизм латинского происхождения *qui pro quo* означает «смешение понятий, путаница, недоразумение» (Бабичев, Боровский, 1988, с. 657). На данный момент в крупнейших профильных словарных и энциклопедических изданиях отсутствуют отдельные статьи, посвященные этому понятию, однако в качестве термина *qui pro quo* фиксируется в «Словаре литературоведческих терминов» (1974) в составе статьи «Перипетия». Там приводится следующее толкование: «Совершенно иной характер п[ерипетия] приобретает в произведениях комического характера, где она играет роль своего рода *qui pro quo*... — недоразумения, заключающегося в том, что одно лицо, понятие или вещь приняты за другие» (Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 267).

В изданной посмертно работе В. Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» часть главы «Один в роли другого. Много шума из ничего» также посвящена *qui pro quo*, рассматриваемому автором как один из *принципов* комического: «Принцип этот давно осознан и получил название "*qui pro quo*", что в смысловом переводе означает "один вместо другого". На этом основан широко распространенный в старинных комедиях мотив переодеваний, выступления в чужом обличье, когда одних принимают за других» (Пропп, 1976, с. 120).

Понятие «принцип *qui pro quo*» в связи с поэтикой произведений Достоевского вводится и концептуализируется в диссертации Р. Я. Клейман «Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики». Отметим, что в этой работе значительно расширяется поле действия рассматриваемого явления: *qui pro quo* у Клейман перестает быть исключительно атрибутом комического. По утверждению исследователя, этот принцип не только играет ключевую роль в поэтике романа «Братья Карамазовы», но и является «одной из важнейших художественных констант творчества Достоевского» (Клейман, 2000, с. 79), имеющей множество вариантов в конкретном тексте. Ввиду этого, как указывает Р. Я. Клейман в другой работе, «весь художественный мир Достоевского может быть представлен как грандиозная система *qui pro quo*, метонимических замещений... и т. д.» (Клейман, 1996, с. 66). Далее автор приводит ряд примеров реализации рассматриваемого принципа в конкретных произведениях Достоевского. Наиболее интересным для заявленного в заглавии настоящей статьи аспекта представляется следующее замечание (которое, однако, не получает в статье Клейман дальнейшего развития в связи с поэтикой Достоевского): «В художественном мире Достоевского можно выделить целый ряд ситуаций, где *qui pro quo* выступает как знак дьявольского искушения (курсив мой. — Я. Д.), — достаточно назвать всю структуру "Бесов", легенду о Великом Инквизиторе и диалог Ивана с чертом в "Карамазовых"»



(Там же, с. 69); автор выделяет именно те фрагменты романа «Братья Карамазовы», которые оказываются актуальными для дальнейшего сопоставления произведения Достоевского с рассказом Гиппиус.

Неоднократно упоминается подмена (по Клейман, частный случай реализации принципа *qui pro quo*) и в книге К. А. Степаняна «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского»: так, в «Идиоте» подмена Христа «христоподобной» фигурой князя Мышкина, Богочеловека человеком оказывает колоссальное влияние на поэтику романа, приводя к «удвоенности действительности, образов, сцен, имен, смыслов» (Степанян, 2010, с. 169); а подмена «божественной истины любой земной “теорией”, оборачивающейся в итоге служением бесам» (Там же, с. 314), лежит в основе романа «Бесы».

Многочисленные примеры реализации принципа *qui pro quo* в романе «Братья Карамазовы» даны О. А. Фарафоновой. Принимая терминологию Р. Я. Клейман, исследователь не только демонстрирует, что принцип *qui pro quo* «является определяющим в архитектонике романа “Братья Карамазовы”», но и предельно расширяет значимость данного элемента, утверждая, что рассматриваемый принцип «продолжает функционировать и за пределами текста романа» (Фарафонова, 2013, с. 86, 96).

2

В настоящее время рассказ З. Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт» (первая публикация — 1906 год) проанализирован во многих аспектах. Особое место занимает сопоставление рассказа с произведениями русской прозы XIX века, более всего — с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Так, авторы вступительной статьи к изданию произведений Гиппиус (1991) отмечают «почти полную аналогию с Достоевским» (Азадовский, Лавров, 1991, с. 29), а исследователь О. Н. Калениченко, подчеркивая ориентацию автора на отдельные фрагменты романа Достоевского «Братья Карамазовы» (в частности, на главу «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича»), утверждает, что целью вступления З. Н. Гиппиус в диалог с классикой в данном рассказе (и другом произведении того же сборника¹ — рассказе «Он — белый») было прояснение «тайного смысла происходящего» (Калениченко, 2015, с. 97).

Однако вопрос о функционировании в рассказе принципа *qui pro quo*, в том числе и в аспекте сопоставления текста с романом Ф. М. Достоевского, до настоящего момента изучен не был. Между тем *qui pro quo* в тексте Гиппиус присутствует непосредственно, будучи выраженным на лексическом уровне:

— И с каждым вы, значит, вот так — один на один? — спросил Иван Иванович.

— Непременно. То есть, если по душе разговор, без намеков. Общества я отнюдь не избегаю, впрочем. Но это уж другое. В семейные дома я хожу с лицом какого-нибудь знакомого. Выйдем чай пить, жена не удивляется. Хо-

¹ «Черное по белому. Пятая книга рассказов» (изд. 1908).



заяин знает, что я — я, а кому не следует — тот не знает. Главное — чтоб сверхъестественностей никаких не было. Это совсем не в нашей натуре. Мы за простоту и ясность.

— Однако же может выйти *qui pro quo* (курсив мой. — Я.Д.). Вдруг этот самый знакомый, в чьем вы лице приходите, сам туда же пожалует?

— Я рад, что вы развеселились, — сказал посетитель, скромно усмехнувшись. — Нет, не пожалует. Мы, знаете... так уж устраиваемся» (Гиппиус, 2001, с. 490).

Проявляющийся в тексте как бы случайно принцип *qui pro quo* прежде всего оказывает влияние на образную систему произведения: высказанное в начале рассказа допущение, что Иван Иванович принимает за чёрта *кого-то другого*, поддерживается автором и далее. Апогея ощущение подмены достигает в «сказочках» чёрта — вставных элементах рассказа — ввиду несоответствия, которое обнаруживается между традиционным представлением о чёрте и содержанием его «сказок»: чёрт демонстрирует главному герою рассказа его самого (Ивана Ивановича), живущего в мире, описание которого, как было отмечено, например, О.Н. Калениченко (2015), во многом ориентировано на евангельский текст. Кроме того, данный фрагмент отличает резкая смена пафоса: столь присущая остальным высказываниям чёрта ирония в «сказочках» исчезает.

Подобная «смена тональности» характерна не только для анализируемого текста Гиппиус. В качестве другого примера использования автором этого приема можно привести ранний рассказ «Богиня» (1893), в финале которого также фиксируется неожиданное ослабление иронии, которая до этого являлась доминантным компонентом текста². В обоих случаях резкая смена пафоса сигнализирует о смене голосов в произведении, и вместо голоса героя на первый план выходит голос автора. Эту особенность введения в текст авторской точки зрения подчеркивает и Д. Томсон: «То главное, о чем она хотела писать, не допускало иронии» (Томсон, 1996).

Таким образом, чёрт в рассказе на некоторое время принимает на себя роль своеобразного «проводника» голоса автора. О смене точек зрения во вставных текстах свидетельствует и их содержание, позволяющее предположить, что чёрт в «сказочках» воспроизводит оригинальную концепцию любви Гиппиус, в основании которой — любовь к Христу, и, более того, изображает Ивана Ивановича, претворяющего в жизнь эту концепцию.

Показателен в этом отношении следующий фрагмент первой «сказочки»: «И смотрит (возлюбленная Ивана Ивановича из «сказочки». — Я.Д.) поверх, туда, где море до небес поднялось, *точно увидеть хочет идущего по волнам, того, кого любит сначала любви*. <...> и вам тоже кажется, что вы любите кого-то больше, прежде, чем девочку светлую, песок и солнечный огонь» (Гиппиус, 2001, с. 499; курсив мой. — Я.Д.).

² Подробнее об иронии в рассказе З. Н. Гиппиус «Богиня» (1893) см.: (Курило, 2012, с. 147–151).



Сравним этот фрагмент «сказочки» с положениями одной из программных статей Гишпиус начала 1900-х годов — «Влюбленность» (1904): «Через Него (Христа. — Я.Д.), через Его вечное познание и вечное к Нему приближение, жизненное, молитвенное, любовное, действительное, — и всегда и непременно *совместное*, — нам будет вечно открываться, все яснее и озареннее, тайна о мире, тайна о Любви и Правде...» (Гишпиус, 2003, с. 89; курсив авт.).

Перекликаются положения этой статьи с рассматриваемым фрагментом рассказа и на уровне образов. Так, существенна появляющаяся в статье и усиливающаяся в сопоставлении с рассказом оппозиция «низ — верх / земля — небо»: «После Христа есть то, чего до Него не было. Взглянем назад, в древность: <...> теплота крови и тела только желающего и рождающего, земля — *одна земля!*» (Там же, с. 84; курсив авт.). При описании стремления человека к иной, и, по Гишпиус, возможной только там, где есть Христос, любви автор использует образы противоположные: «...человеку *хочется* и нужно *вверх*» (Там же, с. 81; курсив авт.). В рассказе «девочка», желая увидеть «идущего по волнам, того, кого любит сначала любви», смотрит «поверх, туда, где море до небес поднялось» (Гишпиус, 2001, с. 499).

Совпадает и ключевой образ описания этой любви и в рассказе, и в статье — Гишпиус активно использует варианты образа огня, например: «Возможно ли представить себе, что до Христа или помимо Христа мог где-нибудь родиться огонь, озаривший душу Данте, Микэль-Анжело?» (Гишпиус, 2003, с. 84) Еще более показателен в сопоставлении с рассказом следующий фрагмент: «Сама Любовь, принесенная Им, вмещенная людьми как “жалость и сострадание” — точно ли жалость? <...> Не похожа ли эта, загадочная для нас, Любовь — скорее на огненный полет...?» (Там же). Именно такую огненную, свободную от жалости любовь демонстрирует Иван Иванович в «сказочке» чёрта: «...каждый человек у костра — человек. И если он может у костра сидеть так, и у него в сердце огонь и солнце <...> — Не желей никого. Жалость разъедает счастье, разъедает любовь»³ (Гишпиус, 2001, с. 501).

То, что эта концепция находит свое воплощение в рассказе именно в «сказочках» чёрта, усиливает впечатление подмены, инициированное еще в начале произведения введением принципа *qui pro quo*. Однако со всей присущей парадоксальностью в конечном итоге чёрт выполняет свою классическую «функцию» и добивается желаемого: благодаря диалогу с ним Иван Иванович отбрасывает все сомнения и «отвлеченности» и укореняется в верности «общественному», в посредственности и пошлости.

Таким образом, в рассказе разворачивается сюжет искушения, но не «традиционный», а инверсированный, подмененный, построенный по принципу *qui pro quo*: чёрт испытывает Ивана Ивановича не грехом, а наоборот, рисуя ему картины мира, устроенного по христианской, в понимании Гишпиус, «любви и свободе» (Там же). Представляется, что причина возникновения такого «перевернутого» сюжета кроется в со-

³ Вопрос о природе жалости и ее отношении к любви неоднократно поднимается Гишпиус и в других текстах рубежа веков, например в рассказах «Луна» (1898), «Слишком ранние» (1902), романе «Сумерки духа» (1900).



знании самого искушаемого героя: никогда не бывший «подлецом отвлеченным», Иван Иванович, верный своим «убеждениям», не может воспринимать своего собеседника иначе, чем как реального чёрта. Показательно и то, как усиливается уверенность героя в природе его посетителя: если до «сказочек» в отношении фигуры чёрта еще можно говорить о «двойном решении» (Альми, 2002, с. 387) — Иван Иванович постоянно сомневается, что перед ним действительно чёрт, — то к финалу рассказа от сомнения не остается и следа, в первой же своей реакции герой целиком принимает существование чёрта, и принятие это выражается непосредственно: «Вон сейчас же! Вон, *дьявол*, собака, пес! А, не попало? Берегись: я тебе лампой морду раскрою, *дьявол сладкопеец, соблазнитель, чертова порода*» (Гиппиус, 2001, с. 502; курсив мой. — Я. Д.). Ключевым в понимании образа главного героя является тот факт, что Иван Иванович принимает существование чёрта именно после того, как услышал «мерзость идиотскую, пошлую, подлую» (Там же, с. 503) — то есть не что иное, как воплощенную в «сказочках» идею любви, в основании которой — любовь к Христу.

В этом — финальном — фрагменте рассказа принцип *qui pro quo* реализуется, достигая апогея: чёрт и Иван Иванович фактически меняются местами. Характерно, что Иван Иванович оказывается даже радикальнее самого чёрта: если высказывания последнего снова приобретают утраченную в «сказочках» ироническую окраску («не до *любвей*»), то Иван Иванович остается предельно серьезным (ср. «не до *любви*»). Именно он вспоминает «старую песню»⁴: «Нет, нет, любовь не даст свободы, / И нет спасения в любви. / Ты, ненависть, суди народы, / Ты, ненависть, оковы разорви» (Там же, с. 506). В итоге Иван Иванович совершенно воплощается в карикатурного «нового человека». Отметим, что и в данном случае имеют место подмена и удвоение, характерные для принципа *qui pro quo*: образ нового человека, переосмысленный Гиппиус и представленный, например, в произведениях сборника «Новые люди» (1896)⁵, подменен клишированным, массовизированным образом из литературы о «новых людях» второй половины XIX века, в то время как истинным «новым человеком», по Гиппиус, скорее является тот Иван Иванович, который предстает в «сказочках» чёрта. Таким образом, отрицая мир, устроенный «по любви и свободе» (а в конце рассказа — и саму любовь), Иван Иванович в конечном счете отрицает Христа и как бы становится *вместо* чёрта, в финале рассказа *подменяя* его.

3

З.Н. Гиппиус задолго до соответствующих литературоведческих исследований «считывает» принцип *qui pro quo* как характерную особенность поэтики романа Ф.М. Достоевского и в процессе диалога с ним воспроизводит эту особенность в собственном тексте. В результате рас-

⁴ Стихотворение Г. Гервега «Песня ненависти» (*Das Lied vom Hasse*; 1841); в рассказе приводится в переводе П.Л. Лаврова.

⁵ Подробнее о трансформации образа в сборнике Гиппиус «Новые люди» см.: (Магомедова, 2018)..



сказ «Иван Иванович и чёрт» построен по принципу многократного и разнонаправленного *qui pro quo*. Принцип этот реализуется в силу авторской ориентации на узнавание читателем в Иване Ивановиче героя Достоевского: происходит комическая подмена «мирового образа» посредственностью (как характеризует Ивана Карамазова С.Н. Булгаков в лекции-статье «Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип» (1993, с. 39). Отметим, однако, что и эта подмена — сложная, так как обнаруживается, что глубина переживаемого героем внутреннего конфликта сохраняется (подробнее см.: (Джамалова, 2021)).

Принцип *qui pro quo* реализуется и внутри образной связи «чёрт — Иван Иванович». Это дает основания охарактеризовать сюжет рассказа, повторим, как «перевернутый», инверсированный сюжет искушения: чёрт соблазняет героя не грехом, а любовью и добродетелью (изображенными в соответствии с воззрениями Гиппиус). Но чёрт, несмотря на подмену и на то, что он представляет авторскую точку зрения в рассказе, все же выполняет и свою классическую «функцию».

Таким образом, принцип *qui pro quo* обуславливает ключевую особенность образной системы рассказа З.Н. Гиппиус «Иван Иванович и чёрт» — доходящую до антиномичности неоднозначность главных героев рассказа. Характерно, что исследователь С.Г. Бочаров также отмечает *qui pro quo* как один из инструментов усложнения образа и лишения его однозначности: «И мотив *qui pro quo*, подмены и двойника недаром сигнализировал от автора об этой большей сложности (образа Христа. — Я.Д.)...» (Бочаров, 2007, с. 253).

Находясь в рамках крупной историко-литературной проблемы «Классическая литература и литература модернизма», рассмотренный в статье, частный пример демонстрирует сложное и во многом парадоксальное отношение З.Н. Гиппиус к традиции и преемственности. С одной стороны, можно говорить о полемической позиции и использовании классического текста в качестве исходного и оспариваемого материала, с другой — речь идет о сознательном включении в традицию и ее развитии. Ставя рассказ «Иван Иванович и чёрт» в очевидную взаимосвязь с произведениями русской классики, Гиппиус усложняет проблематику и поэтику собственного текста. Одним из ключевых инструментов в этом процессе становится «считанный» автором как отличительная черта поэтики произведений Ф.М. Достоевского принцип *qui pro quo*.

Список литературы

Азадовский К.М., Лавров А.В. З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество // Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 3—44.

Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002.

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц. М., 1988.

Бочаров С.Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 233—262.

Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип // Соч. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 15—45.



Гиппиус З.Н. Иван Иванович и чёрт // Собр. соч. : в 15 т. М., 2001. Т. 3. С. 488–506.

Гиппиус З.Н. Влюбленность // Собр. соч. : в 15 т. М., 2003. Т. 7. С. 78–89.

Джамалова Я.Я. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880) в рецензии З.Н. Гиппиус (рассказ «Иван Иванович и чёрт» (1906)): магистерская дис. СПб., 2021.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы : кн. 1–10 // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14.

Калениченко О.Н. Интертекст как литературный прием в новеллах-мифах З. Гиппиус о чёрте // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») : сб. ст. М., 2015. С. 89–97.

Клейман Р.Я. Метонимические qui pro quo в поэтике Достоевского (Черт. Кошмар русской интеллигенции и современная трагедия Отечества) // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С. 65–69.

Клейман Р.Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.

Курило Ю.И. Проблематика и поэтика малой прозы З.Н. Гиппиус 1890–1900-х годов (гендерный аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX вв. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. №2 (45). С. 118–125. doi: 10.24411/2072-9316-2018-00020.

Пропт В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.

Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб., 2010.

Томсон Д. Мужское Я в творчестве Зинаиды Гиппиус: литературный прием или психологическая потребность? // Преображение. 1996. №4. С. 138–149. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_g.htm (дата обращения: 15.09.2023).

Фарафонова О.А. Qui pro quo как принцип организации художественного целого в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Морфология дискурса лжи в литературе и культуре: коллективная монография : в 2 ч. Новосибирск, 2013. Ч. 2. С. 86–96.

Об авторе

Яна Яниковна Джамалова, аспирант кафедры русской литературы, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская классика: аксиологические основы и мировой контекст», Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия.

E-mail: rus-classic-lab@yandex.ru

Для цитирования:

Джамалова Я.Я. «Какое-нибудь невозможное qui pro quo»: Ф.М. Достоевский и З.Н. Гиппиус (рассказ «Иван Иванович и чёрт») // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 236–245. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16.





IMPOSSIBLE 'QUI PRO QUO':
FEDOR DOSTOEVSKY AND ZINAIDA GIPPIUS
(THE SHORT STORY "IVAN IVANOVICH AND THE DEVIL")

Iana Ia. Dzhamalova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika River Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russia

Submitted on 10.12.2023

Accepted on 15.04.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16

This paper analyses the operation of the 'qui pro quo' principle in Zinaida Gippius's story "Ivan Ivanovich and the Devil." Rooted in a comedic literary device based on misunderstanding and confusion, the 'qui pro quo principle' was identified by Rita Kleyman as a key element in the poetics of Fedor Dostoevsky's works, particularly in his novel "The Brothers Karamazov". Scholars have frequently noted the connection between Gippius's story and Dostoevsky's novel. However, the presence of another link – the 'qui pro quo principle' – has yet to be explored in Gippius's text. The analysis demonstrates that the principle manifests through the symbolic pairing of the main characters and is closely tied to the theme of temptation. The use of the 'qui pro quo' principle in the story results in an inverted portrayal of the motif of temptation. It is argued that one of the defining characteristics of Gippius's imagery – the contradictory nature of the protagonists – is shaped by this principle. The 'qui pro quo' is a constant feature of Dostoevsky's works and is reinterpreted by Gippius. The principle is an additional thread linking 19th-century Russian classical literature with Russian modernist literature.

Keywords: the "qui pro quo principle", Fedor Dostoevsky, Zinaida Gippius, the novel "The Brothers Karamazov", Russian classical literature, modernist Russian literature

References

- Al'mi, I.L., 2002. *O poehzii i proze* [About poetry and prose]. St. Petersburg (in Russ.).
- Azadovsky, K.M. and Lavrov, A.V., 1991. Z.N. Gippius: metaphysics, personality, works. In: *Gippius Z.N. Sochineniya. Stikhotvoreniya. Proza*. [Gippius Z.N. Works. Poems. Prose]. Leningrad, pp. 3–44 (in Russ.).
- Babichev, N.T. and Borovsky, Ya.M., 1988. *Slovar' latinskikh krylatykh slov: 2500 edimits* [Dictionary of Latin winged words: 2500 units]. Moscow (in Russ.).
- Bocharov, S.G., 2007. The Desert Sower and the Grand Inquisitor. In: *Bocharov S.G. Filologicheskie syuzhety* [Bocharov S.G. Philological subjects]. Moscow, pp. 233–262 (in Russ.).
- Bulgakov, S.N., 1993. Ivan Karamazov (in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov") as a philosophical type. In: *Sochineniya: v 2 tomakh*. [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, pp. 15–45 (in Russ.).
- Dostoevsky, F.M., 1976. The Brothers Karamazov: books. 1–10. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Set of Works: In 30 vol.]. Vol. 14. Leningrad (in Russ.).
- Dzhamalova, Ia. Ia., 2021. *Roman F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» (1880) v retseptsii Z.N. Gippius (rasskaz «Ivan Ivanovich i chert» (1906)* [The novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" (1880) in the reception of Z.N. Gippius (short story "Ivan Ivanovich and the Devil" (1906)]. Master's thesis. St. Petersburg (in Russ.).



Farafonova, O. A., 2013. Qui pro quo as the organizing principle of the artistic wholeness in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". In: *Morfologiya diskursa lzhi v literature i kul'ture: kollektivnaya monografiya: v 2 ch.* [Morphology of the lying discourse in literature and culture: collective monograph: in 2 parts]. Part 2. Novosibirsk, pp. 86–96 (in Russ.).

Gippius, Z. N., 2001. Ivan Ivanovich and the devil. In: *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [Set of Works: In 15 vol.]. Vol. 3. Moscow, pp. 488–506 (in Russ.).

Gippius, Z. N., 2003. Falling in love. In: *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [Set of Works: In 15 vol.]. Vol. 7. Moscow, pp. 78–89 (in Russ.).

Kalenichenko, O. N., 2015. Intertext as a literary device in the short stories-myths of Z. Gippius about the devil. In: *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste ehpkhi («Smirnovskie chteniya»): sb. st.* [Literary art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov Readings"): article collection]. Moscow, pp. 89–97 (in Russ.).

Kleiman, R. Ya., 1996. Metonymic qui pro quo in Dostoevsky's poetics (Devil. The nightmare of the Russian intelligentsia and the modern tragedy of the Fatherland). In: *Dostoevsky i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity]. Staraya Russa, pp. 65–69 (in Russ.).

Kleiman, R. Ya., 2000. *Khudozhestvennye konstanty Dostoevskogo v kontekste istoricheskoi poehtiki* [Dostoevsky's artistic constants in the context of historical poetics]. PhD Dissertation. St. Petersburg (in Russ.).

Kurilo, Yu. I., 2012. *Problematika i poetika maloi prozy Z. N. Gippius 1890–1900-kh godov (gendernyi aspekt)* [Problematics and poetics of small prose by Z. N. Gippius in the 1890s–1900s (gender aspect)]. Saratov (in Russ.).

Magomedova, D. M., 2018. Rewriting the "New People" Plot in the Russian Fiction at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries (V. V. Veresayev and Z. N. Gippius). *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2 (45), pp. 118–125, <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00020> (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1976. *Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. Moscow (in Russ.).

Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of Literary Terms], 1974. Moscow (in Russ.).

Stepanyan, K. A., 2010. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg (in Russ.).

Tomson, D., 1996. The male Self in the work of Zinaida Gippius: a literary device or a psychological need? *Preobrazhenie* [Transformation], 4, pp. 138–149. Available at: https://a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_g.htm [Accessed 15 September 2023] (in Russ.).

The author

Iana Ia. Dzhamalova, Doctoral Student, the Department of Russian literature, Junior Researcher, Research Laboratory "Russian classics: axiological basis and the world context", Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: rus-classic-lab@yandex.ru

To cite this article:

Dzhamalova, Ia. Ia., 2024, Impossible 'qui pro quo': Fedor Dostoevsky and Zinaida Gippius (the short story "Ivan Ivanovich and the Devil"), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 236–245. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-16.

